даже приводить к смерти. Чтобы избежать подобных пагубных последствий, необходимо более обширно прогнозировать все возможные эффекты от внедрения инноваций.

1. Новолодская Т.А. Изменение образа рациональности в историко-философском контексте // Логико-философские штудии. 2015. №1 С. 150-157
2. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика: нелинейность времени и ландшафты коэволюции. — М.: КомКнига, 2011. — 272 с.
3. Степин, В. С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма// Сложность. Разум. Постнеклассика., 2013. №4 С. 45-59
4. В.И. Алисиевич, Судебная медицина - Рипол Классик, 2013. 183 С.

Иеромонах Таврион (Балабанов Т.А.)

Автономизация веры и разума в средневековой философии

*Ростовская-на-Дону епархия Русской Православной Церкви
(Россия, Ростов-на-Дону)*

doi: 10.18411/lj-05-2018-29

idsp: 000001:lj-05-2018-29

Аннотация

В статье рассматриваются онтологические причины и гносеологические последствия использования диалектических методов в богословии Запада в Средние века. Философия, прослужив некоторое время в области богословия, впоследствии вернулась на собственный путь рационального познания, оставив иррациональное в области веры.

Ключевые слова: средневековая философия, схоластическая философия, схоластика, теология, богословие

Abstract

The article deals with ontological causes and epistemological consequences of using dialectical methods in theology in the West in the Middle Ages. Philosophy, after serving for some time in the field of theology, subsequently returned to its own path of rational cognition, leaving the irrational in the field of faith.

Keywords: medieval philosophy, scholastic philosophy, scholasticism, theology

Воспринимая окружающее пространство, человек с самого начала пытался вместить реальность в некие рамки понимания. Не имея ответов на повседневные вопросы о причине природных явлений (в отличие от тех, кто принял Откровение Творца), человек заполнял гносеологические пробелы мифами, которые ставили некую "заглушку" разуму, не предполагающую развитие мышления в направлении поиска, но имеющую своей задачей удовлетворить интенциональное напряжение ума [4, с.11].

Главная суть мифа состоит в том, что природным объектам и явлениям приписываются антропоморфные свойства, вследствие чего возникает понимание подчинённости природных событий законам межличностного контакта, и, значит, с природой можно вступать в безбоязненное взаимодействие на основе договора. В рамках этого возникли ритуалы преподнесения даров, умиловивление мифически ипостазированного природного или бытового элемента. [4, с.15]

Со временем из ритуалов формировалась языческая религия, как статическая система мистического взаимоотношения со сверхъестественным ради блага естественного. В такой мировоззренческой парадигме разум находился в скованном состоянии, не имея возможности для свободного поиска и познания истины. Не соглашаясь подчиняться авторитетам, мыслители старались познать природу, разгадать её тайну, потому как они воспринимали весь мир огромным живым организмом [3, с.38].

С веками налаживались общемировые коммуникационные механизмы, благодаря чему люди делились знаниями, которые шли вразрез с мифологией. Выявилась

несостоятельность древнего мировоззрения, относительность общественно-политических установок, хоть системы верований и были похожи в разных местностях. Сомневаясь в мифологии, человек стал терять основу, поэтому возникла необходимость самоопределения, которое должно было основываться не на внешнем, а на внутреннем – на самосознании. Это явилось стимулом к возникновению рационального подхода к жизненным устоям и культурным ценностям.

Возникшая в то же время новая христианская вера давала совершенно иное осмысление космоса [3, с.54] и роли человека в нём. Христианская Церковь рождала богословов и общественных деятелей, преобразовавших мир этим новым учением. Иерархический принцип организации и харизма проповеди сформировали авторитарность, которая к X веку воспринималась как вполне нормальное и должное явление. Церковные деятели писали свои труды и проповеди, с разных аспектов разъясняя Писание.

Но в какое-то время стала очевидной невозможность опираться на церковные авторитеты. Широкая вариативность патристических интерпретаций [5, с.93] Писания привели к возникновению вопросов относительно значимости трудов Отцов Церкви. Простые методы увещания не могли решить проблему, потому что не для всех эти убеждения и толкования были достаточно авторитетными. Сравнительный анализ трудов выявлял несоответствие, которое требовало осмысления, и многим хотелось разобраться в этом самостоятельно. В целях решения религиозных (библейских и догматических) вопросов возникла мысль об использовании универсальных логических конструкций, хотя многие традиционалисты были против этого, считая священные тексты не подлежащими "грамматическим" манипуляциям [5, с.115].

Отличаясь от простых верующих, философствующие христиане искали путь к истине, одновременно помогая идти этим путём тем, кто не признавал иного. Понимая, что мир создан Высшим разумом, мыслители (например, Пётр Дамиани [1, с.197]) утверждали его рациональность, и, как следствие, возможность его познания при помощи человеческого разума. Тем более, в связи с невозможностью определения протяжённости, ум считался способным вместить безграничное количество понятий. Разуму порой отводилась такая существенная роль в богопознании, что его использование объявлялось порой единственным гносеологическим способом.

Римский государственный деятель и христианский теолог Северин Боэций, попавший в заключение по клевете и на своём опыте испытавший несправедливость, пытался совместить идею о свободе воли и идею о промысле Божиим. Размышляя об этом в тюремной камере, он пришёл к выводу, что одна из самых важных ценностей для человека – свобода – зиждется не на внешних условиях, а на внутреннем – на рациональной гносеологии. Причём, если в античности мыслители познавали природу, то теперь объектом познания выступает взаимоотношение Бога и человека [3, с.39]. Таким образом, внутренняя свобода непосредственно связана с гномической волей, которая ничем не может быть упразднена, и эта воля проявляется в интенциональном стремлении к богообщению.

Используя рацию для познания истины веры, философ впервые использовал диалектический подход к догматике (в том числе и тринитарной), поэтому ему принадлежит звание основателя схоластики [1, с.201]. Отталкиваясь от постулата о том, что человек является образом Божиим, Боэций исходит из недоказанного религиозного тезиса, что очевидно показывает использования философских методов не с самого начала гносеологии, но с определённых вероучительных установок.

Выходец из Ирландии Иоанн Скот Эриугена ставил диалектику настолько высоко, что придавало ей статус божественного искусства [5, с.97], то есть, диалектика не изобретается, а открывается человеком как способ познания истины. Причём истина для него лежит в религиозной области, поэтому ирландец отождествлял истинную религию и истинную философию, показывая их взаимное проникновение и гармоничное переплетение.

Стоит отметить, что его труды, содержащие игру греческих и латинских терминов, вполне отражают его степень владения этим искусством. Он мыслит без лингвистических ограничений, выражая тонкие метафизические понятия так называемым дуплексным, или двойным, языком.

В данной работе мы не будем рассматривать сущность его учения о разделении природы на четыре вида по творческому аспекту, нам важно увидеть, как высоко он ценил роль рационального познания [2, с.105]. Но несмотря на такую оценку разум для Эриугены не был выше веры. Он утверждал, что Бог непознаваем разумом, но Его можно воспринимать опосредованно – через Его творения [4, с.150].

Принимая во внимание универсальность философии, в теологию были введены диалектически методы, что одновременно с распространением религиозного образования в учебных заведениях (монастырях, школах, университетах) сформировало понятие схоластики, то есть, школьной философии. Таковое название она получила по двум причинам: формирования философии как назидательного учения, передаваемого от учителя ученику, и преподавания группам людей в образовательных центрах, именуемых школами по месту нахождения. Так называемая "университетская" философия была необходима для оттачивания вероучительных истин, для грамотного отражения нападок еретиков и атеистов, потому как атака оппонентов строилась с использованием именно логики и диалектики.

Итальянский богослов и философ-реалист Ансельм из Аосты, архиепископ Кентерберийский, не желая доверять только авторитету Писания, хотел получить собственное знание – пролить свет на истины веры и понять их разумом [5, с.102]. Философ сильно верил в познавательные способности человеческого разума. Именно познавательные, потому что разум не создаёт никаких истин, он – лишь инструмент. Каждая конкретная вещь исследуется чувствами, и после этого в разуме складывается понимание общего, о котором говорили древние греки. И эта общая сущность вещей является умозрительной категорией, которая постигается только разумом.

Этим общим сущностям, именуемым универсалиями, Ансельм доказательно придавал реальное бытие наравне с воспринятой информацией, мыслями и идеями [1, с.205], говоря, что нельзя помыслить то, чего нет в реальности [4, с.148]. Но в то же время утверждал, что конкретные вещи чувственного мира не обладают таким реальным бытием, как мысли [3, с.58].

Это вовсе не означает, что Ансельм не верил Писанию или как-то унижал его достоинство. Философский путь познания является для Ансельма не опровержением веры, но желанием проверить и самостоятельно убедиться в верности того, что проповедовали прежние авторитеты. Кроме того, необходимо было иметь веское опровержение против тезисов о том, что церковники держат народные массы в зависимости через обман, как об этом говорили атеисты. Можно сказать, что в некоторой степени схоластика ставила своей целью защиту церковного вероучения от повреждения и контроль его соответствия первоисточникам.

Французский теолог и философ Иоанн Росцелин имел противоположное мнение о бытии универсалий. В противовес реалистам утверждал, что бытием обладают конкретные вещи, а общие понятия о сущности индуктивно формируются разумом, являясь лишь умозрительным сведением к общему акциденций многих вещей. Он даже категорично обозначил универсалии как иллюзию [3, с.58], являющейся ничем большим, чем простой звук. Таким образом, крайняя противоположность реализма стала номинализмом – фактичностью существования каждой конкретной вещи, что легло в основу мышления о всём, в том числе и о душе человека, и о Боге. Отстаивая права разума на познание, он дошёл до утверждения, что Троица также является лишь именем, и уклонился в тритеизм: если есть три отдельных имени, значит есть три конкретных Бога [2, с.108]. Здесь мы видим, как использование разума не укрепило, а поколебало вероучение, несмотря на мощь логического аппарата и новаторство мысли.

Ученик Росцелина француз Пьер Абеляр избегал крайних степеней реализма и номинализма и утверждал ценность универсалий как категориальной связи между

мысленным и реальным. Основным стимулом для начала рационального познания он принимал сомнение [5, с.111], в смысле постоянной проверки текстов, сверки с первоисточником и т.д. Ставя под сомнение высказывания авторитетов, он считал, что теоретически все люди, даже апостолы, могут ошибаться [4, с.152], поэтому пытался осмыслить вероучительные догматы рационально. Полагая, что без диалектики Писание для многих остаётся не воспринятым [5, с.113], Абеляр придавал важное значение свободному мышлению, посредством которого каждый мог приобрести личную непоколебимую веру. Поэтому совершенствование в вере, по Абеляру, может быть достигнуто лишь через диалектический умственный труд [2, с.105]

Восприняв идею сомнения от своего учителя, англо-французский философ Иоанн Солсберийский признавал, что существует то, что не может быть познано разумом и выражал готовность обсуждать эти неразрешимые проблемы, однако остерегался строгих дефиниций, предпочитая сомневаться во всём, чем утверждать то, что неизвестно доподлинно [5, с.117]

Искусственное противоречие между верой и разумом призывал устранить немецкий учёный Альберт Великий, показывая, что теология и философия суть два пути познания Бога, различных по своим методам [5, с.131]: вера отталкивается от Откровения, разум – от проявлений мудрости Творца в природе.

Воспринимая и продолжая его путь "примирения", итальянский философ и теолог Фома Аквинский не противопоставлял Откровение и естественное знание, но выравнивал их соотношение [2, с.105], потому что и теология, и философия говорят о Боге, только разными словами [5, с.136]. Однако, когда эти слова не могут быть согласованы, то причину противоречия Аквинат априори видел [5, с.147] в области логики, но не веры.

Несмотря на то, что он ставил веру на первое место, он не унижал познавательные возможности человеческого ума. Конечно, рациональная гносеология ограничена, но логический инструментарий помогает говорить о вере более ясно.

Фома утверждал, что человек познаёт Божественные истины и разумом, но этот путь познания более длинный, он лежит через чувственное восприятие, когда полученная информация об окружающих вещах индуктивно обобщается в категории. Короткий же путь познания истины есть восприятие Божественного Откровения на веру без сомнения [4, с.157]

Не каждый может слепо довериться авторитету, поэтому теология как наука имеет своей целью истолкование сверхъестественных знаний, то есть, Откровения, для более широкого распространения среди людей. И для этого учёный должен прибегнуть к научным методам, ближайшие из которых – философские.

Снисходя к человеческому разуму, который не может принять истину веры простым сердцем и жаждет рационального понимания, Бог по Своей милости направляет ему навстречу благодать, освещающую путь гнозиса, словно свет маяка. Причём, если мистический опыт веры для каждого индивидуален, что не всегда позволяет передавать веру через подчинение авторитету, то разум обладает большей универсальностью, поэтому с помощью логического инструментария одинаково возможна полемика как с верующими, так и с атеистами.

Это же понимал и французский теолог Джованни Фиданца (Бонавентура), говоривший, что без Божественного озарения разум блуждает в поисках истины и не может из эмпирических данных собрать воедино чёткую картину мира, потому что только благодать даёт человеку интуитивное ощущение верности направления познания. Кроме того, несмотря на выверенность диалектики, безбожный дискурс неминуемо вводит мыслителя в область зла. [5, с.153].

Бонавентура видел одной из основных проблем схоластики не в том, что разум как таковой противоречит вере, а в различном использовании этого разума: одни с его помощью познают Божественную истину, другие упорно отрицают всё сверхразумное и утверждают рациональную самодостаточность. Правильное же использование разума основывается на интуитивной рефлексии, проистекающей из веры [5, с.159]

В какой-то момент в схоластике сформировалось мнение о совершенстве философии, многие утверждали согласованность между верой и разумом, гармонию между свободным суждением и мнением авторитета.

Однако систематическое преподавание философии нередко приводило к обходу "острых углов" и непонятных вопросов, поэтому погоне за красотой слова схоластическая философия в некоторой степени стала оторванной от жизненных реалий [4, с.147]. Основной темой изучения в философских школах стало Священное Писание, то есть, объяснение религиозных доктрин диалектическими методами.

За то, что философия стала служанкой богословия, английский учёный монах Роджер Бэкон критиковал схоластику и призвал каждого к получению собственного опыта, который открывает путь к индивидуальному познанию природных и сверхприродных истин [4, с.160]

Школьная философия, зарождающаяся как уход от авторитарности религии, сама в некоторой степени стала авторитарной через школьное преподавание. Бэкон указывал, что слепое доверие авторитетам, заблуждения и невежество народных масс являются препятствиями для живой деятельности ума в сфере познания истины. Но это вовсе не означало гносеологическую исключительность разума. Философ признавал существование мистического озарения, которое может давать не только духовный опыт, но и способствовать научным открытиям. В этом он согласен с томистской идеей благодати и идеей интуиции, о которой учил Бонавентура, хотя обоим Бэкон в своё время резко критиковал.

Продолжая разъединять веру и разум, шотландский философ Иоанн Дунс Скот разделял философию и теологию в связи с различными сферами интересов: первая ищет знание ради самого знания, вторая через убеждение влияет на поведение человека. [5, с.167] Иными словами, теология понималась им не как наука для познания сущности Бога, а как средство для понимания воли Божией. Философия же имеет своим объектом познания сущее как таковое. Однако отмечал, что в связи с ограниченностью разума до сих пор этого познания так и не произошло [5, с.171]

Принимая во внимание Божественное Откровение, Скот называл практику веры предвосхищающей разум, потому что она даёт полноту знания о Боге. А именно Бог – есть то сущее, которое пытается познать разум. Поэтому активное, практическое восприятие он оценивает более полно, чем спекулятивное [1, с.226] философствование. Таким образом, и здесь видно, что вера ставится выше разума.

Закрывающий схоластический период английский философ Уильям Оккам подтвердил направленность философии на очевидность, а теологии – на мораль. Кроме того, он опроверг значение теологии как науки, потому что Откровение не нуждается в доказательствах, несмотря на отсутствие логической самоочевидности. Чем сильнее вера, тем больше наука уходит на второй план, и обязанность теолога – показать недоказуемость истин веры. По той же причине опровергал мнение о том, что философия является служанкой теологии [4, с.160]

Оккам видит некоторую нечестность в том, что дарованная Богом истина веры подвергается перепроверке ограниченным рациональным инструментарием [5, с.179], потому как разум не обладает ничем таким, что могло бы хоть как-то повлиять на веру, как в смысле укрепления, так и в смысле опровержения. Его усилия были направлены на освобождение философии от влияния религии [2, с.105], причём не для уничтожения или унижения последней, но для того, что бы каждый занимался своим делом. Он старался вернуть философию в своё исконное русло, чтобы мыслитель стал исследователем, естествоиспытателем, получая научные данные, чтобы, благодаря накоплению эмпирических данных, картина мира, некогда представленная смесью мистического и бытового, стала приобретать характер объективности.

Используя несколько столетий диалектические методы философии, теология впоследствии всё же признала автономию веры и разума, в связи с совершенно разными способами познания. Сыграв свою схоластическую роль в религии, философия вернулась

"с Небес на землю" и продолжила заниматься изучением представленного конкретными вещами чувственного мира, составляя научную парадигму.

1. История философии: Учебник для вузов / Под ред. В.В. Васильева, А.А. Кротова и Д.В. Бугая. — М.: Академический Проект, 2005. — 680 с.
2. История философии: учеб. пособие для ВУЗов / А.Н. Волкова, В.С. Горнев, Р.Н. Данильченко, и др. Под ред. В.М. Мапельман и Е.М. Панькова. — М.: "Издательство ПРИОР", 1997. — 464 с.
3. Философия: Учебник для ВУЗов / Под общ. ред. В.В. Миронова. — М.: Норма, 2005. — 928 с.
4. Философия: учебник / Е.Н. Пронина; Моск. гос. ун-т печати им. Ивана Федорова. — М.: МГУП им. Ивана Федорова, 2011. — 612 с.
5. Дж.Реале, Д. Антисери. Западная философия от истоков до наших дней. Том 2. Средневековье. СПб.: ТОО ТК "Петрополис", 1997. — 368 с.

Шиповская Л.П.

Человек - как точка отсчета всякого развития

*Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет
(МАДИ)
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/lj-05-2018-30

idsp: 000001:lj-05-2018-30

Ключевые слова: человек, информационное общество, система общественных отношений, преобразование среды, природы, самого человека и человеческого общества, перестройка человеческого сознания по отношению к природе.

Современный мир отличается небывалым динамизмом. Масштабы и радикальные изменения происходят стремительно, часто при жизни одного поколения, так что жизнь людей предшествующих эпох выглядит на этом фоне неподвижной или, по крайней мере, неторопливой.

Определяющими стали невиданные темпы научно-технического прогресса. Достижения науки и техники значительно изменили облик, мира и человека, увеличили человеческие возможности. Такие результаты научно-технического прогресса, как автомобиль, телефон, радио, телевидение, авиация, звуковое кино, ядерная энергия, электронно-вычислительные машины, освоение космоса возникли и получили широкое распространение за время жизни двух-трех поколений. Исключительная роль научно-технического прогресса отличает современную эпоху от всех предшествующих.

При этом, ученые отмечают, что современный мир, с одной стороны, многообразен и противоречив, с другой — целостен и взаимосвязан. Наш XXI век называют веком информационного общества, эпохой невиданных скоростей, сверхновых технологий, гуманитарного преобразования мира.

Главной приметой нынешнего этапа научно-технического прогресса нужно считать следующее положение: современный человек создал слишком сложный для себя, для своих интеллектуальных возможностей мир и потому больше не может ясно сознать и эффективно предсказывать направление своего собственного развития, создав всемирные коммуникационные сети, человек окончательно превратил себя в часть чего-то большего, чем он сам.

Общество, когда находится в кризисной точке своего развития, обладает мощным интеллектуальным потенциалом, в нем происходит активная мыслительная работа по анализу причин и законов общественного развития.

Существует широкий спектр подходов к пониманию феномена общества. Для большинства социологов и обществоведов общество — это название для совокупности и взаимодействия множества отдельных индивидов. Такой подход именуют социальным